

*И.В. Сахаров, засл. работ. культ. РФ
руководитель Центра генеалогии РНБ*

Типольт или Лукомский?

Во время одной из поездок во Францию нам с женой было оказано гостеприимство отцами-иезуитами, содержавшими тогда под Парижем, в Медоне, так называемый Центр Св. Георгия – первоначально интернат и школу для детей русских беженцев, а в то время – курсы по изучению русского языка. В этом Центре находились богатые библиотека и архив, включавшие, между прочим, так называемую Славянскую библиотеку, в основе которой лежала личная библиотека князя И.С. Гагарина (1814–1882), российского дипломата, который, пребывая за границей, перешел в католичество, вступил в Орден иезуитов и на родину не вернулся. После кончины кня-

зя его библиотека и архив перешли в собственность Ордена и продолжали пополняться материалами, связанными с Россией.

Внимательно изучая состав этого фонда *de visu*, среди различного рода уникамов я обнаружил не только мне, но и в то время вообще никому из моих соотечественников – генеалогов и геральдистов – не известные или, во всяком случае, никем из них не виданные два рукописных гербовника.

Один из них представлял собой переплетенный (обшитый черной материей), большого формата (стандартный А3) альбом, на листах которого (коих, не считая чистых, насчитывалось 186) были наклеены прямоугольные листки кальки (на каждом листе обычно по несколько, максимум 12, листочков). На каждой листке кальки (их стандартный размер 8x7 см) было помещено изображение того или иного герба, а под ним указаны соответствующая родовая фамилия или конкретное лицо и источник хранения рукописного оригинала или гербовника, в котором тот ранее был опубликован. Порядок расположения рисунков гербов – по алфавиту фамилий армигеров. Общее число гербов – 1806 (для некоторых гербовладельцев приведено два, а иногда даже более рисунков гербов, отличающихся друг от друга). В альбоме не было заглавного листа. На лицевой крышке переплета (на нем не были указаны ни составитель гербовника, ни название) был приклеен экслибрис, который, как вскоре удалось установить, относился к библиотеке барона Н.А. Типольта. Полная ксерокопия этого гербовника ныне хранится в моем рукописном собрании. При внимательном просмотре этого гербовника стало очевидным, что в него были включены только гербы, официально не утвержденные.

Второй обнаруженный мною там же гербовник представлял собрание карточек крупного формата, на первой из которых было написано: Гербы польских дворянских фамилий, собранные бароном Н.А. Типольдт [sic]. В этой картотеке, помещенной в шести картонных коробках, насчитывалось 7290 карточек, расположенных по алфавиту армигеров (для некоторых из них опять-таки указано два и более вариантов рисунков гербов). Интерес барона именно к польской геральдике можно объяснить тем, что в его жилах, помимо русской и немецкой крови, текла и кровь польская (не случайно в качестве щитодержателей герба, изображенного на упомянутом экслибрисе, выступают польские воины). Из этого гербовника за нехваткой времени я скопировал выборочно лишь несколько рисунков.

Будучи в Бельгии, в личной библиотеке известного бельгийского генеалoga и геральдиста, основателя журнала «Le Parchemin» покойного Кардона де Лихтбюра (она хранилась у одного из его сыно-

вей) я обнаружил еще один рукописный гербовник (стандартный размер бумаги А4). Он содержит 357 рисунков гербов с указанием, кому каждый из них принадлежит. В гербовнике нет заглавного листа, не указаны составитель и название. Особенность этого третьего гербовника состоит в том, что рисунки гербов расположены не в порядке алфавита фамилий их владельцев, а в зависимости от того, каким образом расчленен щит (например, расчленен он или пересечен, сколько в нем полей и т. д.), или от того, какие «ключевые» фигуры помещены в щите (например, наличие сердца, пронзенного стрелой, или крепостных башен), т. е. он представляет собой гербовник эмблематический, причем рисунки гербов помещены не на кальке, а непосредственно на бумаге.

Ниже для удобства изложения названные три гербовника упоминаются соответственно как «Гербовник-1», «Гербовник-2» и «Гербовник-3».

В настоящей статье я хотел бы поднять вопрос о том, кто является составителем трех упомянутых выше гербовников.

Прежде всего, авторство Гербовника-2 не приходится подвергать сомнению – его составителем, как указано в нем самом, является барон Н.А. Типольт (впрочем, надпись о том, что именно барон является его составителем, сделана не им самим, а рукой неизвестного лица). С моей точки зрения, его же следует считать составителем (или главным, во всяком случае, одним из главных авторов) и двух остальных. Основания для этого утверждения следующие.

Прежде всего, согласно сообщению библиотекаря Центра Св. Георгия княжны А.А. Куракиной, все три гербовника были переданы в Славянскую библиотеку лично бароном, когда он собрался эмигрировать из Франции в Парагвай. Во-вторых, что более важно, подписи под каждым гербом во всех трех гербовниках сделаны его рукой. В-третьих, нет никакого сомнения, что изображения всех гербов, помещенные во всех трех гербовниках, исполнены одним и тем же художником, замечательным и опытным мастером, которому, в частности, удался лаконичный стиль изображения. Краски и металлы, использованные для отдельных полей щита, обозначены соответствующими буквами (например, «з» для золота – определенно рукой барона Типольта). При этом характер надписей таков, что они, скорее всего, сделаны тем же лицом, что и сами рисунки гербов. Все мои попытки найти указание на имя искомого художника оказались напрасными (в частности, отыскать эти сведения в архиве Департамента герольдии Правительствующего Сената и в личных архивах В.К. Лукомского и барона Н.А. Типольта). Беру на себя смелость утверждать, что этим мастером является сам барон

Н.А. Типольт (об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что в некоторых случаях рисунки одного и того же герба, помещенные и в Гербовнике-1, и в Гербовнике-3, несколько отличаются между собой).

Между тем, в случае Гербовника-1 авторство барона Н.А. Типольта подвергается сомнению. Его персона как гербоведа в глазах ряда современных геральдистов как бы меркнет «в тени» таких столпов отечественной геральдики, каковыми, по всеобщему мнению (и к этому мнению я не могу не присоединиться), являются В.К. Лукомский и С.Н. Тройницкий.

Так, Е.И. Каменцева в работе, посвященной В.К. Лукомскому, писала: «В 1922 г. весь собранный к тому времени материал – около 2000 гербов – был перерисован на особые кальки в двух экземплярах: один был передан Н.А. Типольту..., с которым он (*Лукомский*) заключил товарищеский договор о составлении Сборника неутвержденных гербов. Судьба этих двух экземпляров калек достаточно трагична: кальки В.К. Лукомского погибли в годы блокады в Ленинграде... Второй экземпляр калек Н.А. Типольт увез в 1923 г. в Париж». Судя по всему, речь идет именно о Гербовнике-1. Однако тщательное сличение почерков В.К. Лукомского и Н.А. Типольта приводит нас к выводу о том, что хотя написание букв в рукописях обоих геральдистов нестабильно, некоторые буквы (в частности, литера «з» и твердый знак в конце слов) в Гербовнике-1 определенно писаны именно рукой последнего.

Вместе с тем, с другой стороны, внимательное прочтение рукописи В.К. Лукомского, озаглавленной «Хроника моей жизни» (РГИА. Ф. 986 (В.К. Лукомский). Оп. 1. Д. 77), позволило найти в ней следующие записи. В разделе за 1919 г.: «Начато [!] собирание материалов о неутвержденных гербах для “Сборника” таковых» (Там же. Л. 58). Записи, относящиеся к 10 мая 1922 г.: «Заключен с Н.А. Типольтом товарищеский договор о составлении “Сборника неутвержденных русских гербов”» (Там же. Л. 63) и «Разные задания. Заключение договора с бар. Н.А. Типольтом о совместной работе по составлению эмблематического указателя неутв. гербов – 10.V.1922» (Там же. Л. 64). Эти слова, написанные незадолго до отъезда барона за границу, лишний раз показывают, что В.К. Лукомский относился к Типольту не как к второстепенному, а как по меньшей мере к *равному* партнеру.

Наконец, опубликованный Curriculum vitae барона Н.А. Типольта, составленный последним и датированный февралем 1922 г., позволяет понять, сколь выдающимся специалистом в области вспомогательных исторических дисциплин тот был, и как основательно он занимался геральдикой и сфрагистикой. Известно, что Типольта,

в частности, весьма занимал вопрос о хранении сфрагистического материала, и что он успешно применил изобретенный им метод изготовления слепков печатей из особого сорта белого цемента. Судя по всему, идея изображать рисунки гербов на кальке тоже принадлежала именно ему, и это позволило обеспечить изготовление второго экземпляра Гербовника-1 для В.К. Лукомского (насколько мне известно, последний до знакомства с бароном кальку не применял), а затем облегчило вывоз собранного геральдического материала за границу. Добавим к этому отзывы акад. С.Ф. Платонова («...В области вспомогательных исторических знаний Н.А. Типольт имеет вполне установленную и весьма почетную репутацию») и директора Русского музея и профессора Санкт-Петербургского Археологического института А.А. Миллера (6 февраля 1922 г.) о Н.А. Типольте как ученом: «...Типольт собрал значительный материал по неутвержденным русским гербам, представляющий весьма ценное дополнение к работам, производящимся в том же направлении при Гербовном музее Петроглавархива, а также составил обширный систематический гербовый указатель по эмблемам» (указанные документы, очевидно, составлялись ввиду готовившейся эмиграции барона).

Гербовник-3 представляет собой эмблематический справочник, задача которого – группировка гербов, обладающих общими изобразительными элементами, с целью облегчить идентификацию герба по соответствующим признакам. Создание такой поисковой системы В.К. Лукомский считал чрезвычайно важной задачей, для этого им бы собран необходимый фактический материал и еще в 1918 г. подготовлено краткое руководство по его презентации (*Борисов И.В.* Об «Эмблематическом гербовнике» В.К. Лукомского // *Геральдика: материалы и исследования.* Л., 1987). Однако, сопоставляя его деятельность в этом направлении с материалами Гербовника-3, убеждаешься, что указанный труд ни по своему составу в целом, ни по конкретному подбору гербов в группы не похож на задуманное и осуществленное В.К. Лукомским. Кроме того, все гербы, помещенные в Гербовнике-3, значатся и в Гербовнике-1, они тщательно скопированы с калек, расхождения минимальные и едва заметные. Однако подписи к рисункам (в том числе ссылки на источники) в Гербовнике-3 гораздо более подробны и информативны, чем в Гербовнике-1. При этом ссылки на источники распределяются так: «Собрание В.К. Лукомского» упоминается 16 раз; «Гербовый музей», которым тот руководил, – 35; тогда как печати из «Кол. Бар. Н. Т.» – 107 раз, что составляет почти треть общего числа ссылок! (с дополнительными указаниями на первоисточники – в основном на Морской архив, Морской корпус и Архив военно-учебных заве-

дений); среди прочих преобладают «Малороссийский гербовник» и «Гербовник Князева».

Все сказанное выше заставляет прийти к следующим выводам. Научные интересы обоих геральдистов – барона Н.А. Типольта и В.К. Лукомского – во многом совпадали, их личные взаимоотношения были, очевидно, самыми добрыми, если не дружескими, и это привело их к пониманию желательности установления сотрудничества друг с другом как ученых. Это сотрудничество между ними и установилось, однако драматические события 1917 г. и последовавших лет не дали ему развернуться в полной мере. Вскоре барон Н.А. Типольт счел разумным опиривать латвийское гражданство и вполне легально эмигрировать. Почти все собранные им научные материалы (например, огромное количество изготовленных им слепков геральдических печатей) он продал или пожертвовал различным научным учреждениям Петрограда, но часть своих геральдических трудов он забрал с собой и в эмиграции, видимо, продолжал работать как геральдист.

«В Париже он основал Историко-Генеалогическое общество, – писал о нём видный деятель русской культуры в Зарубежье П.Е. Ковалевский, – и много работал в нашей исторической области» (*Ковалевский П.Е.* Дневниковая запись от 1/14 августа 1988 г. // Архив Шеветоньского бенедиктинского Крестовоздвиженского монастыря в Бельгии). «В эмиграции ... Н.А. многие годы работал над составлением общего гербовника для фамилий, не утвердивших свои гербы в департаменте герольдии» (*Русская мысль.* 13 августа 1948 г. № 70). «Что касается барона Николая Аполлоновича Типольта (Paris, Avenue Kleber, 74), – писал в середине 1930-х гг. в одном из своих писем (по-видимому, в США к Н.Д. Плешко) выдающийся генеалог В.С. Арсеньев, – то он мне в прошлом году показал [?, неразб.] свою коллекцию, каковую он приготовил в виде альбома; у него более 2000 снимков неизвестных гербов, коих большинство он собрал [набрал?], служа в советское время в архиве морского министерства, где они были при прошениях. – Не издает их он, в виду дороговизны печатания» (Фрагмент письма, хранящегося в не разобранном архиве Союза российских дворян в Нью-Йорке).

Все же нельзя не признать, что в свое время какое-то участие в подготовке рассматриваемых гербовников принимал В.К. Лукомский. Но определить сколько-нибудь точно и достоверно, сколь велико было это участие, не представляется возможным (тем более, что большая часть личного архива В.К. Лукомского погибла во время блокады Ленинграда). Однако, на мой взгляд, в той части, кото-

рая касается создания рассматриваемых трех гербовников, роль барона Н.А. Типольта является ведущей, если не решающей.

В целом же впечатляющее здание дореволюционной российской геральдики, можно сказать, держалось не на двух, а на трех столпах, коими являлись (перечислены в порядке алфавита) Владислав Крескентьевич Лукомский, барон Николай Аполлонович Типольт и Сергей Николаевич Тройницкий.

В заключение замечу, что в Гербовнике-1, в разделе, отведенном для гербовладельцев, чьи фамилии начинались на «И», под № 17 оказалась добавлена калька с рисунком герба князя Петра Петровича Ишеева, с указанием на то, что рисунок получен от владельца в Париже в 1932 г. Эта калька неожиданно оказалась необычайно содержательной. Подпись под рисунком, совершенно очевидно, не могла быть сделана никем, кроме самого Н.А. Типольта, что, во-первых, лишний раз подтверждает то, что и все прочие подписи под рисунками сделаны им же (та же рука!), и что, во-вторых, в эмиграции он продолжал пополнять рассматриваемые гербовники. Более того, этот рисунок нанесен на кальку особого вида – ее листы разграфлены малозаметными крупными прямоугольниками. Судя по всему, эта разграфленная калька произведена во Франции (во всяком случае – за границей, не в России). В Гербовнике-1 листов такой кальки немного, но они есть, и, следовательно, можно установить, какие именно дополнения сделаны им в своих геральдических трудах в эмиграции. Наконец, особенности рисунка герба князя Ишеева подтверждают мою догадку о том, что и все прочие рисунки, помещенные в рассматриваемых трех гербовниках, рисованы одной и той же рукой, и это – рука выдающегося мастера-графика, коим, несомненно, был барон Н.А. Типольт.